

На правах рукописи

Козлов Илья Владимирович

**Книга стихов Ф. Н. Глинки «Опыты священной поэзии»:
проблемы архитектоники и жанрового контекста**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург
2006

Работа выполнена на кафедре русской литературы
государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Уральский государственный университет им. А.М. Горького»

Научный руководитель : доктор филологических наук, доцент
Зырянов Олег Васильевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Ермоленко Светлана Ивановна

кандидат филологических наук
Алексеев Анатолий Анатольевич

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Омский государственный
университет»

Защита состоится « » июля 2006 г. в часов на заседании диссертационного
совета Д 212.286.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени докто-
ра филологических наук при Уральском государственном университете им.
А.М. Горького (620083, Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского госу-
дарственного университета им. А.М. Горького.

Автореферат разослан « » _____ 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

М.А. Литовская

Общая характеристика работы

Творчество Фёдора Глинки достойно тщательного научного исследования. Поэт прожил уникально долгую жизнь в литературе (около 70 лет), всё это время активно отзываясь на изменения, которые в ней происходили. Его литературная деятельность началась во времена Н. Карамзина и В. Жуковского, а завершилась в эпоху А. Некрасова и В. Соловьёва.

На первый взгляд, может показаться, что творчество Ф. Глинки хорошо изучено. Его прозаические сочинения («Письма офицера», «Письма к другу») издаются до сих пор, стихотворные произведения напечатаны отдельными томами в большой и малой сериях «Библиотеки поэта». Изучению его поэзии посвящены многочисленные работы. Но творческая деятельность художника и его биография осмысливались иногда с диаметрально противоположных точек зрения: Глинка – поэт-декабрист (традиционное восприятие поэта в советское время, представленное в трудах В.Г. Базанова, А.В. Архиповой и др.), Глинка – поэт-философ (Ю.Н. Тынянов, В.В. Кожин, Т.А. Ложкова), Глинка – поэт-масон (В.И. Сахаров), Глинка – русский духовный писатель (В.П. Зверев, В. Брио). При всём разнообразии исследовательских подходов многие вопросы жизни и творчества Глинки окончательно не прояснены, основные произведения поэта (в том числе «Опыты священной поэзии» и «Гайнственная капля») не переизданы.

Характерная для культуры современной России потребность в обращении к духовным национальным истокам обуславливает **актуальность** данного диссертационного исследования. Духовное возрождение России в работах нынешних филологов и философов не случайно связывается с религией. Увеличивается интерес к незаслуженно забытым именам наших великих соотечественников, ибо в сталинских «застенках» оказались не только некоторые «неудобные» поэты – современники Сталина, но и многие произведения XVIII – XIX вв. Представленная работа, посвящённая одной из значимых стихотворных книг Ф. Глинки, восстанавливает часть нашего забытого духовного наследия. Цель реферированной работы – точнее определить место Глинки в литературном процессе с

учётом духовно-религиозного компонента его поэтического творчества, ранее в полном виде не подвергавшегося системному литературоведческому анализу.

Объектом диссертационного исследования является книга стихов Ф. Глинки «Опыты священной поэзии», рассматриваемая по первому изданию (СПб., 1826), во всём её объёме (50 стихотворений) и полноте художественно-эстетического замысла.

Предмет исследования – архитектурная целостность «Опытов священной поэзии» Ф. Глинки (идейное и структурно-композиционное единство книги стихов, воплощение в ней религиозной картины мира и концепции человека), а также претворение в «Опытах...» жанровых традиций псалмодической и молитвословной поэзии, романтической элегии и «поэзии мысли».

Материалом исследования служит поэтическое и литературно-критическое творчество Глинки: «духовные» стихотворения 1820–1830-х гг., религиозные поэмы («Иов. Свободное подражание книге Иова», народное предание «Таинственная капля»), отдельные письма и автокомментарии к интересующим нас произведениям. В качестве необходимого контекста в работе рассматриваются псалмодическая и молитвенная лирика XVIII–XIX вв. (переложения псалмов В. Тредиаковского, М. Ломоносова, А. Сумарокова, Я. Княжнина, В. Капниста, М. Муравьёва, Г. Державина и др.), а также романтическая элегическая традиция и философская поэзия «тютчевской плеяды». Для наиболее адекватного понимания большинства произведений, анализируемых в диссертационной работе, привлекается славянский текст «Елисаветинской Библии», в частности, Псалтири, образно-метафорический и интонационный строй которой сопоставимы с «Опытами...» Ф. Глинки.

Методология исследования обусловлена спецификой выбранного литературного материала. Рассмотрение «Опытов священной поэзии» как книги стихов обусловило обращение к опыту филологов, занимающихся изучением феномена лирической циклизации (М.Н. Дарвин, Л.Е. Ляпина, О.В. Мирошникова, В.А. Сапогов, И.В. Фоменко). Определение места Глинки в литературном процессе потребовало внимательного изучения историко-литературных трудов

А.В. Архиповой, В.Г. Базанова, П.Н. Беркова, М.Л. Гаспарова, Л.Я. Гинзбург, В.М. Жирмунского, В.П. Зверева, Т.А. Ложковой, Ю.М. Лотмана, Л.Ф. Луцевич, И.З. Сермана, Ю.Н. Тынянова и др.

Своеобразное совмещение в «Опытах...» двух типов сознания – художественного и религиозного – обусловило обращение к достижениям русской филологии последних десятилетий (Э.М. Афанасьева, Ф.З. Канунова, В.А. Котельников, В.С. Непомнящий), а также к широкому контексту Библии, святоотеческого наследия (Ориген, Дионисий Ареопагит, Василий Великий, Афанасий Александрийский), религиозной философии (Н.А. Бердяев, В.В. Зеньковский, П.А. Флоренский).

Цель работы состоит в осмыслении архитектурной целостности, идейно-художественного единства и жанровой системы книги стихов Ф. Глинки «Опыты священной поэзии», а также в определении места этой книги в творческом наследии поэта и в контексте русской поэзии XVIII–XIX вв.

Основные задачи диссертационного исследования:

1) обосновать своеобразие «Опытов священной поэзии» как не случайного жанрового раздела, а как книги стихов, то есть «ансамблевого» собрания стихотворений, выражающего индивидуальную авторскую концепцию;

2) выявить архитектурную целостность книги стихов Ф. Глинки, её структурно-композиционное единство, субъектную организацию, инвариантный сюжет, особенности концептосферы;

3) объяснить философско-религиозный взгляд Ф. Глинки на мир и человека, специфику совмещения в индивидуальной авторской эстетике двух сознаний – религиозного и художественного;

4) осмыслить влияние на «Опыты священной поэзии» творчества поэтов XVIII в. и, в первую очередь, жанровой традиции переложения псалмов;

5) определить особенности «молитвенного дискурса» в стихотворениях Ф. Глинки;

б) установить характер творческого освоения Ф. Глинкой текста Библии, и прежде всего Псалтыри, – по степени точности переложения или вольности подражания (вариации).

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней книга стихов Глинки «Опыты священной поэзии» впервые анализируется в полном объеме как некая архитектурная целостность, воплощающая особый тип религиозно-художественного сознания поэта. Для этого в работе обосновывается методологический подход, учитывающий при анализе художественных произведений основные параметры религиозного мышления, которым обладал Ф. Глинка. Помимо этого, диссертация логически продолжает исследование жанра переложения псалма, как правило, ограничивающееся в большинстве литературоведческих работ хронологическими рамками XVII–XVIII вв.

Положения, выносимые на защиту:

1. «Опыты священной поэзии» Ф. Глинки представляют собой оригинальное циклическое единство – не просто жанровый раздел или стихотворный сборник, а именно *книжную манифестацию*, приближающуюся по своей структурно-архитектонической целостности к книге стихов.

2. Архитектоническая целостность «Опытов священной поэзии» определяется *инвариантным лирическим сюжетом* (путь человека от греховного состояния через сомнение и страдание к знанию Божественного закона, гармонии и покою), *единством субъектной организации* (разведение и взаимодействие двух субъектных сфер – Божественной и человеческой, разделение лирического «я» на «образные» ипостаси: кающийся грешник, праведник, поэт-визионер, пророк) и *религиозной концепцией мира и человека*, проявляющейся в противопоставлении двух сфер (земной и небесной), в приоритете духовных ценностей, в обосновании роли поэта и пророка в социальной и космической эволюции мира.

3. «Опыты священной поэзии» являются воплощением *религиозного типа художественного сознания*, в котором совмещаются догматичность в понимании духовно-нравственного идеала с красочностью и живописной пластичностью поэтического произведения. Религиозную картину

мира и поэтику произведений, входящих в «Опыты священной поэзии», определяют устойчивые символы и метафоры, смысловые оппозиции и концепты, ветхо- и новозаветные идеи эволюции мира и человека, творчески усваиваемые Глинкой из текста Библии.

4. «Опыты священной поэзии» – сложное *полижанровое объединение*, включающее в себя традиционные переложения псалмов, стихотворные молитвы, а также опыты романтической элегии, спиритуалистической «лирики желаний» и «поэзии мысли».

5. Место и роль Глинки в русском литературном процессе определяется подробной разработкой тем и сюжетов Библии, сохранением традиции русской псалмодической лирики XVIII в., созданием особого типа героя-визионера, стремящегося в поисках истины за пределы видимого мира. Творчество Глинки – переходный этап от восторженно-риторической и назидательной духовно-религиозной поэзии XVIII в. к *лично ориентированной поэзии религиозных переживаний*, характерной для философского романтизма XIX в.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы в практике школьного и вузовского преподавания курсов истории русской литературы XVIII и XIX вв., в освещении поэзии декабристов, жанровой традиции переложения псалма, стихотворной молитвы. Результаты исследования могут быть учтены при разработке историко-литературных и теоретико-литературных спецкурсов по творчеству поэтов XVIII – первой трети XIX в., а также по вопросам жанрового сознания поэтов-декабристов и лирики философского романтизма.

Апробация результатов исследования. Основные выводы и положения исследования изложены автором в пяти публикациях и отражены в докладах на Международной научной конференции «Дергачёвские чтения–2000: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности» (Екатеринбург, 2000); Международной конференции «Подходы к изучению текста» (Ижевск, 2002); Всероссийской научной конференции «Дергачёвские чтения–2002» (Екатеринбург, 2002); X Всероссийской научно-практической конферен-

ции «Проблемы анализа литературного произведения в системе филологического образования наука – вуз – школа» (Екатеринбург, 2004); Всероссийской научной конференции молодых учёных (Новосибирск, 2004); Международной конференции «Библия и национальная культура» (Пермь, 2004); VII Всероссийской научной конференции «Дергачёвские чтения–2004: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности» (Екатеринбург, 2004). Диссертационное исследование обсуждалось на заседании кафедры русской литературы Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Структура и объём диссертации: работа состоит из Введения, двух глав, каждая из которых включает в себя три раздела, Заключение и Приложения, в котором приводится текст «Опытов священной поэзии» по изданию 1826 года. Объём исследования составляет 170 страниц, объём Приложения – 36 страниц, список литературы включает в себя 250 наименований.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования, её актуальность и научная новизна, характеризуются предмет и объект изучения, определяются цели и задачи, теоретико-методологическая основа, практическая значимость, указываются формы апробации, формулируются положения, выносимые на защиту, а также аргументируется структура диссертационной работы.

В 1-й главе диссертации лирическая книга Ф. Глинки «Опыты священной поэзии» рассматривается как сложная архитектурная целостность.

В разделе 1.1 «**Тип лирической циклизации в “Опытах священной поэзии”**» обозначается специфика «Опытов...» как книги стихов и обосновывается методологический подход к её анализу. Книгу стихов следует отличать от обычного сборника стихотворений. Её композиционная форма, или, иначе, организация стихотворного материала, строго подчинена выполнению архитектурного задания. Книга стихов состоит из отдельных стихотворений, которые становятся

элементами единого целого, образуя смысловую общность, художественную систему с образно-семантическим «ядром», воплощающим концептуальный взгляд автора на мир.

В современном литературоведении сложилось представление о книге стихов как о сложной метаструктуре. О.В. Мирошникова предлагает различать «книги-композиции» (сложные единства, включающие в себя и отдельные стихотворения, и лирические циклы) и «книги-циклы» («сплошное, лишённое рубрикации, текстовое развёртывание авторской системы ассоциативно связанных лейтмотивов»¹). Примером книги стихов второго типа могут служить «Опыты...» Глинки. В этой книге нет формальной рубрикации, но тем не менее её условно можно разделить на три части: 1) переложения псалмов и стихотворные молитвы, в которых лирический герой (праведник) делает попытку преодолеть разрыв между земным и небесным миром; 2) стихотворные медитации и переложения евангельских притч, в которых описаны мистические путешествия героя-визионера в иной мир; 3) «пророческий» цикл стихотворений, в которых избранный Богом пророк возвещает людям грядущие события. Развёртывание архитектурного задания, или авторской концепции мира и человека, продемонстрировано в смене этих частей и определяется развитием лирического сюжета и динамической системой субъектных форм.

Анализ книги стихов предполагает внимание к следующим элементам структурно-семантической целостности: рамочная конструкция (заглавие книги, система эпитафий), субъектная организация, сюжет, ведущие лейтмотивы и концепты. Все они направлены на выявление взаимодействия выделенных выше архитектурных частей и обнаружение авторской концепции книги стихов. Важнейшими этапами анализа становятся осмысление образно-семантического ядра книги, её инвариантного сюжета и совмещения различных жанровых традиций в «Опытах...».

¹ *Мирошникова О.В.* Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: Архитектоника и жанровая динамика. Омск, 2004. С. 55.

Раздел 1.2 «**Аспекты архитектурной целостности: субъектная организация, инвариантный сюжет, концептосфера**» посвящён целостному, формально-содержательному анализу «Опытов священной поэзии».

Анализ заглавия, системы эпиграфов и художественного оформления книги стихов показывает, что поэту важно было подчеркнуть *специфический опыт* познания внутренней, духовной природы человека, её способности постигать священный образ Бога, возвышаться над земным миром, получать истинное знание и обретать гармонию с мирозданием.

Эпиграфы в книге Глинки соотносят отдельные стихотворения с прецедентным текстом – Псалтырью. Так, предпосланный всей книге эпиграф из 107-го псалма настраивает читателя на возвышенный лад: «Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое: воспою и пою» (Пс. 107: 2). Не случаен и отбор Глинкой псалмов для переложения. В этом просматривается морально-этическое кредо автора: различение праведной и неправедной жизни, закона и беззакония (Пс. 1: 1; 2: 1). В некоторых эпиграфах звучат провиденциальные мотивы человека-духовидца (Пс. 8: 4; 83: 2; 18: 2).

Названия отдельных стихотворений, составляющих лирическую книгу, указывают на то, что в «Опытах...» воплощено, по большому счёту, два субъекта речи: человек, обращающий свои мольбы к небу («Гимн Богу», «Воззвание к Господу», «Хвала», «Глас к Господу» и др.), и Бог, обращающий свой глас к земле, к людям («Глас Бога избранному Его», «Гнев Господа на нечестивых» и др.). Основываясь на конкретных наблюдениях над субъектной организацией, автор диссертации приходит к выводу о том, что каждый из обозначенных выше двух субъектов речи имеет свою специфику и характеризуется несколькими «образными» воплощениями.

Атрибутами Бога являются вездесущность, космическое величие в соединении со вниманием к самому неприметному из обитателей земли, знание того, что скрыто от человека; взор Его – «моря благоговений», Он весь – «любовь и чистый свет»; «дланью» Он обнимает бесконечность, «перстом» управляет мирами, «священным гласом» предвещает гибель грешным. Бог обладает страшной «си-

лой грозных слов», «моря и земли» держит в «Своей деснице». Этот субъект речи представлен двумя «образами» – грозного Судии и милосердного Бога.

Человек является лишь частью мироздания, его разум не в силах объять всю вселенную, хотя постоянно пытается это сделать. Человек обитает на земле, в «долинах плача», в «узах рока». Он раб своих страстей и ничего не может противопоставить силе Судьбы, управляющей его жизнью. В книге Глинки человек как субъект сознания и речи представлен тремя образными ипостасями: *праведник*, смиренно соблюдающий Божественный закон; *грешник*, нарушающий его; *Пророк*, возвещающий этот закон людям. Праведник смиренно просит у Бога помощи, и милосердный Бог, как правило, дарует её. Грешник в своей гордыне, напротив, стремится свергнуть Бога с Его надмирной высоты, но Бог является ему грозным Судией, наказывающим порок. В то же самое время Бог стремится спасти «заблудшие души», поэтому он избирает Пророка, который мог бы служить Его делу. В конечном итоге Бог стремится не к суду над миром и его разрушению, а к милосердию, прощению и созиданию.

Типы человеческого сознания, представленные в книге стихов, также взаимодействуют между собой. Грешники издеваются над праведником и стремятся его погубить, между тем, беззащитный праведник противостоит их силе, понимая, что в конечном счёте правда окажется на его стороне. Прошедший через страдания, духовные сомнения праведник становится Пророком и стремится наставить на путь истинный грешников, которые зачастую равнодушно внимают его словам или стремятся его погубить.

Религиозно-мистическая концепция, лежащая в основе «Опытов...», направлена на преодоление духовного разрыва между Богом и человеком, небом и землёй и воплощается в системе бинарных оппозиций: земной и небесный миры, праведники и грешники, человек и Бог, простой праведник и Пророк. Преодоление этого разрыва представлено в сюжете книги, который можно обозначить как превращение исходного хаотичного состояния мира в совершенную Вселенную, функционирующую по законам любви и благодати, как некий путь восхождения отдельного человека через мистическое откровение к абсолютной Гармо-

нии, а затем повторение этого пути всем мирозданием, трансформирующимся в финале книги в «град Покоя».

В «Опытах священной поэзии» воплощено особое мировидение автора, раскрывающееся в системе ведущих духовно-религиозных оппозиций: *дух – душа, жизнь – смерть, земля – небо*. Также немаловажную роль в создании проблемно-содержательного единства книги стихов играют религиозные концепты: *грех, любовь, покой, сердце, слёзы, стыд*. Обозначенные смысловые комплексы формируют устойчивую концепцию мира и человека, которую вкратце можно описать следующим образом.

Земля и Небо – это наиболее важные концепты, остальные так или иначе соотносятся с ними. Именно религиозное восприятие *земного* и *небесного* миров и их взаимодействие обуславливают строение мироздания, по Глинке, и особую роль человека в нём. Всё мироздание создано Богом, подвластно Его воле. Бог одновременно вне мироздания и в нём. Он – источник *жизни*, пронизывающий всё творение в виде *духа* и присутствующий в *душе* человека. Мироздание разделено на два начала: *доброе – злое, вечное – преходящее, святое – греховное*. Оба начала совмещены в человеке. Однако эта структура динамична, неустойчива, поскольку человек постоянно уклоняется то в одну, то в другую сторону. Небесная *любовь*, связующая всё мироздание «вервием живым», *благодать*, даруемая *духом* в помощь человеку, *душа*, испытывающая неясное влечение к небесной отчизне, – всё это открыто и понятно лишь человеческому *сердцу*. Именно *сердцу* должен довериться человек, оно может видеть небо, слышать голоса небес, говорить с Богом. Человек обретает эти способности через смирение («С страстьми и с сердцем кончен бой! / Я пред могуществом чудесным, / Поник смиренною главой». *Голос души*²) и очень боится потерять чистоту, детскую «невинность» сердца («И тайны дивные Отца / Одни, любовью возрожденны, / Постигли детские сердца...». *Глаголы неба*. С. 32).

² Глинка Ф. Опыты священной поэзии. СПб., 1826. С. 86. В дальнейшем тексте ссылки на это издание даются в скобках с указанием названия стихотворения и страницы.

Это разделение мира на два начала неустойчиво и требует своего разрешения, всё мироздание устремляется к целостности, к преодолению разрыва, двойственности. Это преобразование возможно только благодаря действию Божественной воли: «Тогда мой дар – святая крепость – / Сердца невинных умастит; / Я погашу страстей пожары, / Исторгну клеветы и свары, / Свяжу лукавство и порок, / Обезоружу смерть и рок, / И, примирясь с Моей землёю, / Я примирю с ней небеса!» (*Пророк*. С. 170). После этого «примирения» сердце человека, земля и всё мироздание должны обрести долгожданный покой.

В разделе 1.3 «**Стихотворение-прототекст “Блудный сын” в структуре книги стихов**» анализируются концепты *отец* и *сын* в связи с переложением Глинкой евангельской притчи о блудном сыне.

Концепты *Отца* и *сына* ярче всего воплощены в стихотворении «Блудный сын», которое можно определить как стихотворение-прототекст (термин О.В. Мирошниковой). Действительно, оно является «метафорическим смысловым зерном, содержащим в концентрированном виде замысел всей книги. В смысловом поле этого текста фокусируются основные мотивы книги»³.

Именно в стихотворении «Блудный сын», распадающемся на ряд картин, нагляднее всего воплощено стремление души человека в небесный мир, к Богу. Произведение состоит из четырёх фрагментов, то есть, по сути, является микроциклом. В архитектонике книги этот микроцикл становится сердцевиной, смысловым ядром. В нём заключен в преображённом виде сюжет стихотворных молитв, переложений псалмов и медитативных стихотворений, запечатлевших путешествия души в мир небесный. Оно предшествует стихотворениям «пророческого» цикла, подготавливая патетическое схождение обновлённого человека (пророка) в дольний мир – теперь уже со словом увещевания и божественной проповедью. Именно это стихотворение в концентрированном виде раскрывает авторский взгляд на мироздание и духовную цель жизни человека, которая призвана помочь религиозному обновлению мира.

³ *Мирошникова О.В.* Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века... С. 64.

Во 2-й главе «**“Опыты священной поэзии” Ф.Н. Глинки как полижанровое единство**» анализируются жанровые традиции, использованные Глинкой при создании книги стихов.

Важным для определения жанровых особенностей того или иного стихотворения становится соотнесение его с контекстом, то есть выявление такого содержания данного текста, которое отсылало бы к определённому источнику или образцу известной жанровой традиции. Важнейшим из этих источников явился жанр переложения псалма. Характерно, что из первых 35 стихотворений «Опытов...» одно взято из 3-й книги Царств («Искание Бога») и ещё одно – из книги пророка Исайи («Глас Бога избранному Его»). Остальные 33 стихотворения имеют эпиграфы из псалмов. Поэтому естественно предположить, что именно эти стихотворения являются переложениями псалтырных текстов.

В разделе 2.1 «**Жанровая традиция переложения псалмов**» прослежены способы работы Глинки с Псалтырью. Классической эпохой жанра переложения псалмов по праву считается XVIII в. Большинство исследований этого жанра посвящено псалмам В. Тредиаковского, А. Сумарокова, М. Ломоносова, В. Капниста, М. Хераскова, Г. Державина и др.⁴ В XIX в. этот жанр воспринимается уже во многом как архаический, хотя последующими поэтами делаются попытки осмыслить религиозную культуру и перенять слово Библии в ином масштабе и согласно другим принципам, основоположником которых становится Глинка. Им утверждается художественный принцип вольного подражания псалмам, предполагающий использование отдельных мотивов, контаминацию цитат и реминисценций из всего корпуса текстов Библии.

Переложения псалмов – это стихотворения, содержательно связанные со славянским текстом Псалтири. Поэтому их интерпретацию в контексте творчества того или иного автора следует проводить с опорой на основные параметры религиозного типа сознания. Однако при сопоставлении двух текстов (канонического псалма и его переложения) необходимо всякий раз отделять работу пе-

⁴ См. работы таких известных учёных, как А. Левицкий, Л. Луцевич, Д. Мотольская, И. Серман, В. Сахаров, А. Шишкин и др.

релагателя, стремящегося к точности передачи псалма, от установки поэта, заботящегося о выражении своего внутреннего мира.

Сам Глинка осторожно обозначал своё отношение к жанровой традиции переложения псалмов: «Долгом поставляю предуведомить, что предлагаемые здесь *стихотворения* не следует считать буквальным переложением, ниже близким подражанием священным псалмам. Я брал иногда общий смысл, иногда только некоторые стихи из целого псалма и выражал мысли и чувства мои сообразно расположению, в котором находилась душа моя»⁵.

При сопоставительном анализе стихотворений Ф. Глинки с текстами псалмов нам удалось выявить четыре способа освоения поэтом канонического текста, которые с определённой долей условности можно обозначить следующим образом: 1) вольные подражания; 2) свободные переложения-подражания; 3) вариации на тему псалма; 4) оригинальные духовные стихотворения.

I. *Вольные подражания*. Глинка последовательно перелагает псалом, усиливая некоторые эпизоды. Это такие стихотворения, как «Блаженство праведного» (Пс. 1), «Тщета суетности» (Пс. 2), «Глаголы неба» (Пс. 18), «Плач пленённых иудеев» (Пс. 136), «Победа» (Пс. 151). Как правило, поэт усиливает в таких случаях назидательный и эсхатологический элементы псалмов.

II. *Свободные переложения-подражания* Глинки следуют духу псалма, варьируя стихи из него в свободном порядке. Такими стихотворениями являются, например: «К Богу правды», «Вопль раскаяния», «Желание неба» и др.

III. *Вариации на тему псалма*. Третий способ работы Ф. Глинки с прецедентным текстом можно охарактеризовать так: поэт выбирает один образ или фразу из псалма, варьируя её в тексте, тогда как остальная часть стихотворения оказывается оригинальной. Это такие стихотворения, как «Желание Бога» (Пс. 41), «Горе и благодать» (Пс. 77), «Тоска» (Пс. 87), «Богу спасителю» (Пс. 7).

IV. *Оригинальные духовные стихотворения* Глинки, имеющие эпиграф из псалма. Это два стихотворения – «Праздник души» и «Размышление о благодати Всеблаготворителя». Они знаменуют переход к иному типу лирических произведений –

⁵ Цит. по: Зверев В.П. Фёдор Глинка – русский духовный писатель. М., 2002. С. 241. (Курсив Ф. Глинки. – И.К.)

медитативной, философской «лирике сновидений», которая, по мысли В. Касаткиной, «нередко выражает мысль об освобождении человека от индивидуалистического бытия реальности и приобщении в моменты самозабвения к внеличным ценностям»⁶. Лейтмотивом этих стихотворений становится путешествие души праведника в «небесную отчизну» и обретение им спасительной цели, умиротворяющего знания.

Стихотворения Глинки продолжают традицию стихотворных переложений псалмов, утвердившуюся в XVIII в., но при этом меняется способ работы автора с каноническим текстом. Точное переложение духа и буквы Священного Писания заменяется вариациями на тему того или иного псалма. Однако несомненным остаётся влияние канонического текста на авторское сознание. Как бы далеко автор ни уходил от первоисточника, для него всё равно важно, что в основе его стихотворений лежит книга псалмов. Контекст Псалтыри не только формирует внешнее единство книги, но и обуславливает её внутреннюю, архитектурную целостность. Драматическое положение лирического героя этой части «Опытов...» (стихотворения с 1-го по 35-е), испытываемое им состояние сомнения и неизвестности, требовали своего преображения. И книга псалмов давала такую возможность. Не случайно многие псалмы послужили основой для целого ряда стихотворных молитв.

О стихотворных молитвах и медитативной лирике идёт речь в разделе 2.2 «**Стихотворная молитва и медитативная лирика**». Стихотворная молитва для Глинки всегда была важным способом духовного самосовершенствования. В ней духовная жизнь вступает в непосредственное соприкосновение с художественным творчеством. Содержание стихотворений в этом случае подчиняется особому *молитвенному дискурсу*, определяющей чертой которого становится «установка молящегося (трансцендентная или имманентная) на духовное преображение или преображение окружающего мира в процессе богообщения»⁷. Однотипная структура стихотворных молитв делает их узнаваемыми и предполагает нали-

⁶ Касаткина В.Н. Поэзия Ф.И. Тютчева. М., 1978. С. 92.

⁷ Афанасьева Э.М. «Молитва» в русской лирике XIX века // Русская стихотворная «молитва» XIX века : Антология / Вступ. статья, сост., подг. текста, прим., библиогр. Э.М. Афанасьевой. Томск, 2000. С. 17.

чие нескольких обязательных элементов: зачин (призывание высшего Божественного начала), основная часть молитвы (просьба, благодарение или славословие) и «финальное» слово трансцендентного диалога.

В зачине устанавливается сакральная связь между молящимся и его Покровителем. Особую важность в молитвенном дискурсе приобретает произнесение имени Бога, в котором сосредоточивается сущность религиозного представления о мире.

Человеческий разум не может познать существо Бога, но Божественное имя, которое произносит творящий молитву или возносящий хвалу, приближает его к истинному знанию. Так, например, ряд Божественных имён у Глинки («Всемощный», «О мой Бог всевластный», «Премудрый Бог», «Творец природы», «животворящий дух», «Творец и вождь небесных сил» и др.) указывает на то, что Бог – Творец, источник жизни. Вторая группа имён («Мой Боже, Боже правый!», «О Бог, в своих обетах твердый» и др.) указывает на то, что Бог – справедливый Судия, грозный для грешников («Не устояли грех и сила / От блеска Божиих очес», «И Бога гневного рука / Над слабым смертным тяготела», «Не поражай меня, о Гневный»), но милосердный для праведников («Животворящий дух», «мой Бог», «милосердный наш Отец», «мой Боже, Боже правый»).

Поводами к молитве могут быть просьба защитить от врагов, чувство одиночества, тоски, грусти, непонимание человеком того, что с ним происходит, совершённый грех и страх пред гневом Бога. В просительной молитве находит воплощение стремление праведника преобразовать своё состояние, переход от тьмы к свету, от брани и криков угрожающих ему людей – к тишине, от страдания – к покою, от тоски – к умиротворению.

Финал стихотворных молитв у Глинки чаще всего проникнут надеждой и оптимистической верой: «Но Ты хранил меня, Незримый! / И буря пламенных страстей, / Как страшный сон, промчалась мимо; / Затих тревожный жизни бой... / Отец! как сладко быть с Тобой!» (*Молитва души*. С. 42); «Ты сокрушил их тайны ковы, / Мечи и стрелы изломал. / И я ещё хожу под солнцем / И светлым небом веселюсь!» (*Богу спасителю*. С. 51).

Характерными чертами стихотворной молитвы Глинки, вытекающими из особенностей молитвенного дискурса, являются:

1) *изображение первоначального состояния молящегося*. Так, на исходной точке лирического сюжета герой страдает, но в финале, как правило, происходит позитивная трансформация, перерождение: страдание прекращается, появляется надежда на лучшее. В молитве запечатлено переходное состояние: от незнания – к знанию, от тьмы – к свету, от страдания – к покою.

2) Изменение состояния героя сопровождается *дарованием тайны, святого слова*: «Он [тайный глас] рёк: “Паси сии языки, / Смири в их гордости великой / Слепцов с безумным их умом”» (*Тщета суетумудрия*. С. 10); «Но тайный глас святых небес / И несгораемы светила / Мне говорят: “Пришлец унылый! / Твоя обитель не земля! / Сии лазурные поля / Полны высоких воздаяний”» (*Желание Бога*. С. 18–19).

3) Лирический герой *превращается в пророка-визионера*. Он провидит будущее, посещает небесный мир: «Я зрю: он близок, Божий день, / И вы побегли, исполины, / Как из глубокия долины / Бежит пред ясным утром тень!» (*Тщета суетумудрия*. С. 10); «Я слышал там, в полях лазури, / Где светел, как любовь, эфир, / Не восклицают шумны бури / И вечно веет сладкий мир» (*Жажда покоя*. С. 56). В стихотворной молитве намечается выход к последующим частям «Опытов...» – медитативной лирике, или опыту познания небесного мира, а также к циклу пророческих стихотворений, содержащих ответ Бога человеку.

4) Лирический герой *от немоты*, порождённой страданием, *переходит к возможности творчества*, приобретает своего рода теургического дар: «Спаси меня, о Бог вселенной! / Тогда я, духом обновленный, / Векам восторг мой прозвучу» (*Раскаяние*. С. 60).

5) Праведнику *даруются слёзы умиления*, душевный покой и сошествие благодати. Слёзы являются единственным утешением праведников: «А стоны вдов и сироты, / Твоих людей забытых слёзы, / Сия сердечная роса, / Восходят с воплем в небеса» (*К Богу правды*. С. 11). Для грешников же это преобразующая

сила, поскольку, «смывши мглу с очей слезами, / И грешник видит в Нём Отца!» (*Раскаяние*. С. 60).

Вплотную к разделу стихотворных молитв в «Опытах...» примыкают стихотворения-медитации. Преображающая сила молитвы сказывается на развитии лирического сюжета. Образ праведника претерпевает изменение, он эволюционирует, превращаясь в Пророка. Но перед этим он возносится в небесный мир. Именно этим путешествиям в состоянии сна, восхищения, восторга, поэтического вдохновения посвящены стихотворения «Земная грусть», «Минута в лучшем мире», «Минута счастья», «К душе», «Полёт души», «Деве, утолительнице печалей». Место оппозиции *праведник – грешники* занимает здесь оппозиция *земля – небо*, горизонтальная модель мироустройства сменяется вертикальной, и если в первом случае исправление «земных неурядиц» мыслилось как дар свыше: придёт Бог и накажет нечестивых, то есть разрешит все противоречия, «установит вес и меру», возведёт до себя праведников и низринет в ад грешников, – то во втором случае «земные неурядицы» отходят уже на задний план (вернее, остаются внизу, на земле) и их место заступает общение праведника с Ангелами, «Девой, утолительницей печалей», Богом.

Проведённый анализ стихотворных молитв и стихотворных медитаций позволяет определить место Глинки в литературном процессе 1-й пол. XIX в. Следует согласиться с Ю.Н. Тыняновым и В.В. Кожинным, выделявшими особое «новое направление», которое нашло высшее воплощение в поэзии Ф. Тютчева. Однако родоначальником этого направления, с нашей точки зрения, явился Глинка, в творчестве которого уже воплощены основные черты нарождающегося нового направления: отражение дисгармоничной картины мира, находящегося на краю «эсхатологической пропасти», и, одновременно, вера в имманентное очищение и исправление мира, скептическое отношение к рациональной деятельности человека и антииндивидуалистическая направленность лирического сознания.

Стихотворные медитации подготавливают цикл «пророческих» стихотворений, в которых вновь усиливается предчувствие конца света. «Вертикальная»

организация поэтической мысли сменяется «горизонтальной», но теперь она обусловлена не взаимодействием праведника и грешников, а поступательным движением мировой истории к единой цели, завещанной Богом от начала времён, а именно – к Страшному Суду и обновлению мира.

В разделе 2.3 «Цикл “пророческих” стихотворений» характеризуются переложения Глинки из ветхозаветных книг пророков (на материале «Опытов священной поэзии» и поздней поэмы «Таинственная капля»).

Цикл «пророческих» стихотворений завершает книгу стихов Глинки. Он включает в себя 7 произведений, объединённых образом Пророка. В культурной традиции Пророк занимает особое место. Он имеет доступ к сокровенному знанию, его окружает ореол таинственности. Пророк провидит будущее, которое скрыто от всех остальных. Это знание даруется ему откровением, через уникальный опыт общения с Богом. Пророк предсказывает неотвратимо надвигающиеся события. «Будущее, которое Пророк созерцает в своём видении как настоящее, он изображает для своих современников в образах, заимствованных из настоящего и прошедшего. Отсюда большая часть пророчеств имеют прикровенный, символический, таинственный характер. Однако при относительной неясности в частных и второстепенных вопросах истинное пророчество не может быть неопределённым и двусмысленным в главном и существенном своём содержании»⁸.

В «пророческих» стихотворениях, завершающих сюжет книги, важную роль играют речевая организация и система духовных и нравственно-религиозных ценностей. Мотивы жалобы, плача, молитвы уступают место афористичным изложениям правил поведения, нравственным заповедям и развёрнутым картинам, изображающим мучения грешников.

Речь Пророка неоднородна по цели высказывания. Используемые в речи художественно-выразительные средства можно разделить на три большие группы, в соответствии с теми функциями, которые они выполняют в тексте. Обозначим их следующим образом: *слово обличения* (описание всевозможных по-

⁸ Христианство : Энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1995. С. 430–431.

роков), *слово устрашения* (предсказание будущего Страшного Суда) и *слово надежды* (объяснение пути к спасению). Первые две группы достаточно близки по своему эмоциональному состоянию и различаются лишь по цели высказывания. Последняя группа является логическим завершением каждого из стихотворений и дарует надежду «грешному народу».

Первые две группы преобладают. Задача «слова обличения» – метко и ёмко определить, что именно неуютно Богу в людях. Об этом свидетельствует и набор достаточно известных образов-символов: *змея, камень, мороз, гибельная чаша, лукавое сердце*. «Слово устрашения» содержит высказывания, для которых общим смысловым центром является выражение идеи гибели. Причём эта гибель представлена разнообразным рядом метафор: *бездны, сети, гибельные звезды, гром, вихрь, буря, непобедимые враги, голод*. «Слово надежды» отличается от «слова устрашения» и «слова обличения» более умиротворёнными интонациями. Повелительное наклонение сменяется здесь высказываниями от первого лица, риторические вопросы-восклицания – повествованием о будущем «Новом Завете» и обновлении земли.

В поэме Глинки «Таинственная капля» переложения из книг пророков получают в сравнении с «Опытами священной поэзии» логическое завершение. Так, в сюжете поэмы пророки, помещённые в аду в особый «град», окружённые со всех сторон огнём, предсказывают скорое пришествие Спасителя, который призван победить дьявола и установить новое светлое царство. Налицо типологическое сходство финалов двух произведений Глинки: проповедь пророков предваряет установление спокойствия и гармонии, наступление вечного «града Покоя» – и в книге стихов, и в поэме «Таинственная капля».

В **Заключении** резюмируются выводы и перспективы исследования.

В творчестве Ф. Глинки явлен особый тип «переоценивающего сознания» (Г. Флоровский). Во многих своих произведениях, особенно духовных, поэт воплотил трудный, переходный этап в движении от некоего неустойчивого состояния к гармонии, процесс активного преобразования человеком самого себя и окружающего мира. Но произойти это, с точки зрения Ф. Глинки, может лишь

при условии чёткой нравственной позиции человека. Поэтому одним из важнейших элементов поэзии Глинки является назидание. Это «переоценивающее сознание» стремится к твёрдой опоре, которой становится христианская вера. Стремление Глинки к переложению текстов Священного Писания, к их сюжетам, метафорам, пафосу приводит к тому, что поэт в своей творческой практике повторяет движение христианской мысли: от осознания неустроенности, хаоса, несправедливости, царящей в мире, – к обретению истины, космического порядка и гармонии. По словам самого поэта, «И всё сие не есть мечтанье, / Условный образ иль Хаос: / Но всё существенность, порядок, / Всё ум и светлость и чреда, / И нерушимое устройство» (*Хвала*. С. 90).

Феномен поэзии Глинки, отделённый от нашего времени почти двумя веками, оказывается неожиданно актуальным. Воплощение в «Опытах священной поэзии» религиозной картины мира, осуществление спасительного перехода от «хаоса» к гармонии, строгое соблюдение нравственного закона – всё это те качества художественного мира Глинки, которые позволяют поэту вплоть до наших дней занимать достойное место в русской поэзии.

**Основные положения диссертации
отражены в следующих публикациях автора:**

1. *Козлов И. В.* «Свободное подражание книге Иова» Ф. Н. Глинки: поэтика жанра / И. В. Козлов // *Дергачёвские чтения-2000*. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : Материалы международной науч. конф. 10-11 окт. 2000 г. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2001. – С. 104–106.

2. *Козлов И. В.* Жанр переложения псалма в творчестве Ф. Н. Глинки («Опыты священной поэзии») / И. В. Козлов // *Подходы к изучению текста : Материалы Международной конф. студентов, аспирантов и молодых преподавателей 23-25 апреля 2002 г.* – Ижевск : Изд-во Удмуртского ун-та, 2003. – С. 165–172.

3. *Козлов И. В.* Железная дорога – путь к мифу / И. В. Козлов // Дергачёвские чтения-2002. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : Материалы Всероссийской научной конференции 2-3 октября 2002 г. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2004. – С. 108–112.

4. *Козлов И. В.* Анализ одного из основных концептов творчества Ф. Глинки («Блудный сын») / И. В. Козлов // Анализ литературного произведения в системе филологического образования. Профильные классы, колледжи : Материалы X Всероссийской науч.-практич. конф. «Проблемы анализа литературного произведения в системе филологического образования наука – вуз – школа». – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2004. – С. 14–19.

5. *Козлов И. В.* Образы ветхозаветных пророков в поэме Ф. Н. Глинки «Таинственная капля» / И. В. Козлов // Библия и национальная культура : Межвузовский сб. науч. статей и сообщений. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2004. – С. 168–171.